Ф.Д.Клімчук
“Урыўкі з перакладаў на гаворку вёскі Сіманавічы Драгічынскага раёна”

[Гістарычная брама. Гісторыка-краязнаўчы часопіс. 2002. 1—2 (19—20). -- Бяроза Брэсцкай вобласці. -- С. 56--58]

. . . . . .

Урывак з 1-й песні “Іліяды” Гамера.
Пераклад са старажытнагрэчаскай мовы.

Зэвс вырну́вся в хоро́мы, і Богы' с прысто́лув зыйшлы',
Шоб судосы'тысь с свойі'м ба́тьком; ны сты'шчыв ны оды'н з быссмэ'ртных,
535 Сэ'дячы, жда́ты ёго́, і всі с пова́гыю вста́лы.
Там вин на тро́ны сів; алэ' господы'ня Гэра
Всэ пові'дала, пуба́чывшы, як з йім ра́йілась
Дочка́ старо́го, шо в мо́ры, сырыброно́га Фытыда.
Одра́зу ж с сва́ркыю накы'нулась на Зэвса Кроныёна:
540 «Хто з быссмэ'ртных, паску́дыско, ра́йівся с то́бою?
Зна́ю, тобі' до́брэ завсі'ды од мынэ' тайі'тысь;
Ны'ґды ты сам по свою'й во́лі
Мыні' того́, шо ду́майіш, ны нава́жывся сказа́ты!»
Юй отка́зував Биг, ба́тько і быссмэ'ртных, і смыртэ'лных:
545 «Гэра, ты ны на́дься ві'даты всі мойі' ду́мкы;
Бо гэ'тэ тыбэ' до добра́ ны довыдэ', хоч ты мыні' й жи'нка!
Шо мо́жна пові'даты, то ны'ґды ныхто́ ны пові'дае
Впырі'дж тыбэ', ны з людэ'й, ны з Богы'в.
А вжэ як сам я, быз Богы'в, шось заду́маю зробы'ты,
550 То ты мынэ' ны допы'туйся, і сама́ ны выві'дуй».
Тоды' знов гы'ркнула зыкра́та Богы'ня Гэра:
«Кроныду паску́дный, шо ты бляву́скайіш!
Я ны'ґды ны тыбэ' выпы'туваты, ны сама́ выві'дуваты
Вік ны хоті'ла; спокы'йно завсі'ды заду́муйіш, шо хо́чэш.
555 Я й за́рэ оно́ за однэ' бою'сь, шоб тыбэ' ны звыла́
Дочка́ старо́го, шо в мо́ры, срыброно́га Фэта:
Вона́ ж ранэ'нько сыді'ла с тобо́ю і колі'на твойі' обныма́ла;
А ты юй хыта́в голово́ю, як я ба́чу, хо́чучы за Ахылэса
Одомсты'ты, алэ' й мно́го ахайцюв загубы'ты коло йі'хых кораблі'в».
560 А ля йійі' отка́зував Зэвс хмарого́нэць:
«Чудна́я ты! Всэ ты взы'рыш, і з гочэ'й мынэ' ны спуска́йіш!
Алэ' зробы'ты ныц ты зо мно́ю ны зро́быш, ма́ло того́,

Од мого́ сэ'рця откы'нысся, збры'дныш мыні', і з-за гэ'того
тобі' ліпш ны бу́дэ!
Шо вжэ було́, то було́, алэ' як я схоті'в, то так бу́дэ!
565 А ты мовчы', сыды' і робы' то́е, шо я скажу'!
І ныхто́ з олымпыйськых Богы'в тобі' ны помо́жэ,
Як я, розозлы'вшысь, прыложу́ до тыбэ' свойі'
прывда́лы ру́кы».
Як сказа́в, то зляка́лась ёго́ зыкра́та Богы'ня Гэра
І, мовчачы', сыді'ла, втыхомі'рывшы своє́ сэ'рцэ.
570 І в Зэвсовых хоро́мах Богы' засмуты'лысь.
Алэ' тут ма́йстэр Гыфэст став говоры'ты,
Годячы' свою'й ма́тыры Гэры, хоро́шуй, як кві'тцы:
«Быда́ бу́дэ вылі'ка, а мо́жэ й зусі'м ныпопра́вна,
Як вытэ' з-за людэ'й гэ'так ворогу́йітэ злы'сно!
575 Шо сырыд Богы'в ро́бытэ сва́рку! Ны бу́дэ

С.56

Ра́дості од сма́чного обі'да, як позлымо́сь оды'н на одного́!
Ма́ты, тыбэ' я пырыко́ную, хоч і сама́ ты розу́мныця,
Ля царя' Зэвса покоры'тысь, бо шоб вин чя'сом
Ны розыйшо́вся гні'вом да ны сколоты'в нам
хоро́шого обі'да.
580 Бо як схо́чэ ба́тько Олымпыйськый, шо бля'шэ гро́мом,
То всіх с прысто́лув поскыда́е, бо вин тут найду́жчый!
Ма́ты, попрэ'буй вговоры'ты осы'лка ласка́вымы слова́мы,
І одра́зу в Олымпыйця до нас сэ'рцэ одля'жэ».
Так вы'казавсь і, вста́вшы, блышчя'чого ку'бка
з дном пудви'йным
585 Ма́тыры мы'луй пудно́сыть і знов юй так гово́рыть:
«Мы'ла ма́ты, потырпы' і вы'трывай, як бы ны було́ тобі'
кры'вдно!
Ны довыды' до того́, шоб сын ба́чыв,
Як Зэвс тыбэ' бу́дэ лупы'ты кулака́мы; бо я ны ма́тыму
сы'лы тыбэ' обороны'ты.
590 Вин ужэ' ко́лысь мынэ' за то́е, шо заступы'вся,
Грэ'мынув, за но́гу схваты'вшы, і скы'нув
з ныбэ'ського поро́га:
Па́дав, лыті'в я ввэсь дэнь (ввыздэ'нь), і
як захо́дыло я'снэ со́нцэ,
Впав на хороші'зный Лымнос, вжэ лэ'дьшо ды'шучы,
То там сынтыйськы лю'дэ мынэ' прыйнялы' хорошэ'».
595 Сказа́в вин так; осмыхну́лась Богы'ня, білоті'ла Гэра,
І з усмі'шкыю од сы'на хвайню'ського ку́бка взяла́.

Вин і дру́гым Бога́м, почына́ючы с пра́вого бо́ку,
Соло́дкый мыдо́к пудно́сыть, чэ'рпаючы ку́бком с чя'шы.
Смі'хом нывдэ'ржным хлёхо́нулы святы'йі Богы', шо
на нэ'бы,
600 Пуба́чывшы, як с ку́бком Гыфэст по хоро́мах то туды',
то сюды шя'хайіцьця.
Так ввыздэ'нь, по́кы ны зайшло́ со́нцэ, святы'йі Богы'
Всэ бынкытова́лы, роскошу́ючы за столо́м і высылячы' сырця'
Го́лосом хва́йныйі лі'ры, на яку́й спра́внымы па́льцямы грав,
во́дячы по стру́нах, хоро́шый Ополон,
І спыва́ннем му́зэй, шо пудспі'вувалы Ополоновуй му́зыцы
хва́йнымы дылікáтнымы голоса́мы.
605 А як зайшло́ я'снэ со́нцэ,
То Богы' схоті'лы опочы'ты, і ка́жон з йіх пошо́в в свою'
хоро́мыну,
Шо ка́жному з йіх на паґуркова́тому Олымповы
Хытра́к Гыфэст кульга́вый так доложы'вся, шо бы шклянкы'
поодбудо́вував.
Зэвс, найодпові'днішый Олымпыець, пошо́в до свэ'йі постэ'лі,
Дэ вин за́вшы опочыва́в, як ёго́ брав соло́дкый сон;
610 Там вин, зайшо́вшы, зопочы'в, а коло ёго лыгла́ пы'шна Гэра.

Пераклад зроблены ў 1986 г.

Урывак з 5-й главы аповесці Л.М.Талстога «Казакі».

Ба'ба Уліта, жи'нка хору́нжого і шко'льного учі'тіля, гэ'так як і другы'йі, вы'йшла до ворі'т свого' двора' і ждэ скоты'ну, шо жынэ' по гу́лыці йійі' ді'вчына Мар’я'нка. Вона' ны вспі'ла шэ очыны'ты воро'та, як вылы'зна бу́йволыця, втыка'ючы од кумарі'в, прола'муйіцьця круз воро'та; за е'ю пома'лу йдуть найі'джаны коровы', познаючы' вылі'кымы гочы'ма свойі'х господы'нь і односта'йно свы'шчучы хвоста'мы сыбэ' по бо'ках. Стри'йна хорошу́ха Мар’янка прохо'дыть чы'рыз воро'та, зачыня'е йіх і шо е сы'лы быжы'ть розлучя'ты на дворі' скоты'ну. “Роззу́йся, чо'ртова ді'вко, – крычы'ть маты, – а то чувякы' зусі'м потопта'ла”. Мар’янка ныц ны гні'вайіцьця, шо йійі' назва'лы чо'ртовыю ді'вкыю, прыйма'е гэ'ты слова' за ла'ску і высёло' да'лэй ро'быть свое' ді'ло. Ліцо' Мар’янкы прызакры'тэ ху́сткыю. На юй ро'зова ко'хта і зылё'ный бышме'т. Йійі' ра'зом з гла'ткыю здоро'выю скоты'ныю вжэ ны выдно' за пові'ттю, і оно' чу́ты с клі'ті йійі' го'лос, шо ла'сково вспоко'юе бу́йволыцю: “Ны постойі'ть! О'тяка ты! Ну пошла', ну, моя' хоро'шынька!..” Ху́тко прыхо'дыть ді'вка с старэ'ю с хлывця' в сцё'пку, шо стойі'ть на дворі', і обі'дьвы нысу́ть два вылі'кых го'ршчыкы молока' – гэ'то вдой тыпэ'рышного дня. З глы'няного ко'мына сцё'бочкы ху́тко почына'е йты кызяковый дым; ді'вчына роспа'люе ого'нь, а стара'я выхо'дыть до ворі'т;

моло'ко пырыробля'йіцьця в каймак. Поночо'та прыкры'ла всю станы'цю. По всёму́ во'здуховы бы розлы'тый за'пах горо'днёго, скоты'ны і ману́шчого кызякового ды'му. Коло ворі'т і по гулыця'х всю'ды пырыбыга'ють коза'чкы і нысу́ть пудпа'ляны гану́чы. На дворі' чу́ты, як сопэ' і спокы'йно жуе' жу́йку скоты'на і оно' ба'бськы й дытя'чы голосы' пырыгу́куюцьця по дво'рах і гулыця'х. В бу́ддэнь ма'ло колы' почу́йіш п‘я'ный мужчы'нськый го'лос.

Одна' коза'чка, стара'я, ро'сла, здоро'ва молоды'ця, з двора', шо напро'тів, прыхо'дыть до ба'бы Уліткы просы'ты огню'; в руці' в йійі' гану́ча.

–Шо, ба'бочко, впра'вылысь? – ка'жэ вона'.

–Ді'вка то'пыть. Шо огоньку́ трэ'ба? – пыта'е ба'ба Улітка, гонорачы'сь тым, шо мо'жэ послужы'ты.

Обі'дьвы коза'чкы йдуть в ха'ту; загрубі'лы ру́кы, ны прывы'кшы до чого' мало'го, дрі'бного, лёкотячы' здыра'ють на'крывку з дорогэ'йі пу́шкы з запа'лкамы; бо запа'лкув шэ було' вэ'льмы ма'ло на Кавка'зы. Та'я, шо прышла', здоро'ва коза'чка сады'цьця на поми'шчыку с пэ'вным наміре'ніем поговоры'ты.

–Шо твий, ма'тёнко, в шко'лы? – пыта'е та'я, шо прышла'.

–Всэ дытэ'й гу́чыть, ма'тёнко. Пыса'в, шо до свя'та бу'дэ, – гово'рыть хору́нжыха.

–Чолові'к жэ розу́мный; всэ на по'льзу.

–Выдо'мо, шо на по'льзу.

–А мий Лука'ш на кордо'ны, а додо'му ны пуска'ють, – ка'жэ та'я, шо прышла', хоч хору́нжыха давно'

С. 57

гэ'тэ зна'е. Юй трэ'ба поговоры'ты про свого' Лукашя', яко'го ныда'вно вона' отпра'выла в козакы' і яко'го хо'чэ ожыны'ты з Мар’я'ныю, дочко'ю хору́нжого.

–На кордо'ны й стойі'ть?

–Стойі'ть, ма'ты. От свя'та ны був. Го'ндэ с Фомушкіным сорочкы' посла'ла. Ка'жэ: ныц, начя'льство хва'лыть. В йіх, ка'жэ, знов абрэкув шука'ють. Лукашко', ка'жэ, высё'лый, ныц собі'.

–Ну й дя'куваты Бо'гу, – ка'жэ хорунжыха. – Одны'м сло'вом, – Урван.

Лукашя' прозва'лы Урваном за то'е, во вин зухова'тый, цва'ный хло'пэць, за то'е, шо хло'пчыка, козачка' вы'тяг з воды', ворва'в. І хору́нжыха спомыну́ла про гэ'тэ, шоб од сыбэ' хорошэ' сказа'ты Лукашо'вуй ма'тыры.

–Дя'куваты Бо'гу, ма'ты, сын до'брый, молодчы'на, всі хва'леть, – ка'жэ Лукашо'ва ма'ты, – шоб оно' ожыны'ты ёго', то вмырла' б спокы'йно.

–А шо, чы ж ма'ло дыво'к в станы'ці? – отка'зуе хы'тра хору́нжыха, нызгра'бнымы рука'мы стараё'нцлыво зачыня'ючы пу́шку з запа'лкамы.

–Мно'го, ма'ты, мно'го, – завважя'е Лукашо'ва ма'ты і хыта'е голо'вою, – от твоя' ді'вка, Мар’я'нка, гэ'то то ді'вка, в усі'м полку' такэ'йі ны на'йдыш.

Хору́нжыха зна'е, чого' хо'чэ Лукашо'ва ма'ты, і хоч Лукашко' здае'цьця юй до'брым козако'м, вона' ны хо'чэ всэ про'сто сказа'ты, по-пэ'ршэ, – шо вона' хору́нжыха й богаты'рка, а Лукашко' – сын просто'го козака', сырота'. По-дру́гэ, шо юй ны хо'чыцьця так ху́тко росста'тысь з дочко'ю. А найби'льш з-за того', шо так трэ'ба робы'ты, коб було' хорошэ'.

–А шо, Мар'я'нка пудростэ', то'жэ бу́дэ ді'вка, ка'жэ вона' здэ'ржано і быз хвальбы'.

–Прышлю' сваты'в, прышлю', оно' садовыну́ оборвэ'м, пры'дымо твэ'йі ла'скы просы'ты, – гово'рыть Лукашо'ва ма'ты. – Ля'шовы Васылё'вому пры'дымо кла'нятысь.

–А шо Ляш! – го'рдо одка'зуе хору́нжыха, – зо мно'ю трэ'ба говоры'ты. На всэ своя' пора'.

Лукашо'ва ма'ты по стро'гому вы'глядовы хорунжыхы ба'чыть, шо бильш ліпш ны говоры'ты, пудпа'люе запа'лком гану́чу і, встаючы', ка'жэ:

–Ны забу́дься, ма'ты, запомыта'й гэ'ты слова'. Пойду́, топы'ты трэ'ба, – добавля'е вона'.

Пераклад зроблены ў 1973 г.

Урывак з 10-й главы аповесці М.В.Гогаля «Срашная помста»

Ды'вный Дніпр в ты'ху пого́ду, як спокы'йно й пома́лу нысэ' чырыз лісы' й го́ры по́вны во́ды свойі'. Ны зворухнэ'; ны захробосты'ть. Ды'высся й ны зна́йіш, йдэ чы ны йдэ ёго́ вэ'лычна шырыня', і здае'цьця, бы ввэсь вы'лытый вин з шкла і бы сыня'ва люстрана́я доро́га, быз мі'ры в шырыню', быз конця' в довжыню', лыты'ть і в'е'цьця по зылё'ному сві'ты. Лю'бо тоды' й гаря'чому со́нцёвы огля'нутысь з высочыні' і опусты'ты лучі' в хо́лод шклянэ'йі воды', і лиса́м, шо коло бэ'рога, я'сно освыты'тысь в во́дах. В зылё'ных ку́чырах воны' збы'лысь ра́зом с полёвы'мы квытка́мы коло во́дэй і, нахылы'вшысь, ды'влецьця на самы'х сыбэ', шо в воді', і ны нады'влецьця, і ны наті'шецьця самы'мы собо́ю, і всмі'хуюцьця тым, шо в воді', і выта́ють йіх, маха́ючы голле'м. В сырэ'дыну Дніпра́ воны' ны посмі'ють гля'нуты: ныхто́, кро́мы со́нця й сыня'вого нэ'ба, ны ды'выцьця в ёго́. Ма́ло яка́я пту́шка долыты'ть до сырэ'дыны Дніпра́. Пы'шный! Нымá рыкы' такэ'йі, як вин, на всім сві'ты. Ды'вный Дніпр і в тэ'плу лі'тню ныч, як всэ засына́е, і чолові'к, і звір, і пту́шка; а Биг оды'н вылы'чно огляда́е нэ'бо й зэ'мню й вылы'чно стря'сае ры'зу. З ры'зы сы'плюцьця зо́ры. Зо́ры горе'ть і сві'теть над сві'том, і всі ра́зом одбыва́юцьця в Дніпро́вы. Всіх йіх дыржы'ть Дніпр в чо́рному логовы'ловы своё'му. Ны одна́ ны втычэ' од ёго́; сыба́ оно́ пога́снэ на нэ'бы. Чо́рный ліс, вны'заный сонны'м ворі'ннем, і нымаві'сты як давно́ розла́маны го́ры, сві'тячысь, намага́юцьця закры'ты ёго́ до́вгыю ті'нню свэ'ю – напра́сно! Нымá ныц на сві'ты, шо могло́ б прыкры'ты Дніпра́. Сы'ный, сы'ный, пома́лу розлыва́йіцьця вин, і сырыд но́чы, бы сырыд дня, выдно́ ёго́ на ты'лько здалі'к, на кы'лько можэ ба́чыты чолові'чэ го́ко. Голу́блячысь і

прыту́люючысь блы'жэй до бырогы'в од ночно́го хо́лоду, дае' вин сіре'брану струю'; а вона́ ся'йнэ бы па́сок дама́скськыйі шя'блі; і вин, сы'ный, знов засну́в. Ды'вный-хоро́шый і тоды' Дніпр, і нымá на сві'ты рыкы' такэ'йі, як вин! А як про́йдуть по нэ'бы го́рамы сы'ны хмарі', як чо́рный ліс хыта́йіцьця до корі'ння, дубы' трышче'ть, і як мыгнэ', выбыва́ючысь мыз хмаря'мы, зра́зу освi'тыть ввэсь світ – страшны'й тоды' Дніпр! Водяны'йі паґу'ркы грохоте'ть, сту́каючысь об бырогы' і, блышчачы' й сто́гнучы, одбыга́ють наза́д, і пла́чуть, і захо́децьця далё'ко. Так захо́дыцьця од го́ра стара́я козако́ва ма́ты, отправляючы свого́ сы'на в ви'йсько. Высё'лый і нахохо́ляный йі'дэ вин на вороно́му коні', взя'вшысь в бо́кы і по-хлопчі'вському насу́нувшы шя'пку на бик; а вона́, голо́сячы, быжы'ть за йім, хвата́е ёго́ за сыдло́, ло́выть поводкы', і ла́мнэ над йім ру́кы, і залыва́йіцьця гы'ркымы слёзьмы'.

Ды'ко чырні'ють помыз хва́лямы, шо домага́юцьця свого́, обгорі'лы пынькы' й камі'нне на вы'пукняному бэ'роговы. І б’е'цьця об бэ'рог, пуднымá́ючысь ввэрх і опуска́ючысь вныз, ло́дка, шо прыплыва́е до бэ'рога. Хто с козакы'в осмі'лыцьця ба́вытысь в човні' тоды', як розозлы'вся стары'й Дніпр? Му́сыть, той ны зна́е, шо вин клыка́е людэ'й, бы му́хэй.

Пераклад зроблены ў 1966 г.

С. 58